

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2013
XXII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
213
EXPRESS-ISSUE

2013 № 913

СОДЕРЖАНИЕ

- 2319-2330 Об урбанизации певчего дрозда *Turdus philomelos* и истории его расселения по населённым пунктам Московского региона. И. В. КУЗИКОВ
- 2330-2331 О структуре популяции мухоловки-пеструшки *Ficedula hypoleuca* в Полесском заповеднике. О. А. ЯРЕМЧЕНКО
- 2332-2334 Новая находка афганского земляного воробья *Pyrgilauda theresae* в Туркмении. Г. С. БЕЛЬСКАЯ, А. Н. СУХИНИН
- 2335-2339 О применении манного филина *Bubo bubo*. В. П. ТЕПЛОВ
- 2339-2340 Савка *Oxyura leucosephala* в дельте Тентека в 2002 году. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
- 2340-2342 Особенности послегнездовых перемещений молодых белобровиков *Turdus iliacus* в заповеднике «Кивач». М. В. ЯКОВЛЕВА, Л. С. ЗАХАРОВА
- 2342-2343 Сезонные миграции лебедей на побережье Балтийского моря. А. К. ПЯТРАЙТИС
- 2343 Залёты фламинго *Phoenicopterus roseus* в Устьюртский заповедник. Г. Ю. ДЯКИН
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

2013 № 913

CONTENTS

- 2319-2330 On the urbanization of the song thrush *Turdus philomelos* and history of its appearance in human settlements of Moscow region. I . V . K U Z I K O V
- 2330-2331 The structure of population of the pied flycatcher *Ficedula hypoleuca* in the Polesky Reserve. O . A . Y A R E M C H E N K O
- 2332-2334 New find the Afghan snowfinch *Pyrgilauda theresae* in Turkmenistan. G . S . B E L ' S K A Y A , A . N . S U K H I N I N
- 2335-2339 The use of tamed eagle owl *Bubo bubo* for catching and shooting birds. V . P . T E P L O V
- 2339-2340 The white-headed duck *Oxyura leucocephala* in the Tentek delta in 2002. N . N . B E R E Z O V I K O V
- 2340-2342 Features of post-fledging movements of young redwings *Turdus iliacus* in the Reserve «Kivatch». M . V . Y A K O V L E V A , L . S . Z A K H A R O V A
- 2342-2343 Seasonal migration of swans on the shore of the Baltic Sea. A . K . P Y A T R A I T I S
- 2343 Vagrant flamingos *Phoenicopterus roseus* in the Usturt Reserve. G . Y u . D Y A K I N
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Об урбанизации певчего дрозда *Turdus philomelos* и истории его расселения по населённым пунктам Московского региона

И.В.Кузиков

Игорь Викторович Кузиков. Ул. Живописная, д. 19, кв. 67, Москва, 123103, Россия.

E-mail: kuzikov-y@mail.ru

Поступила в редакцию 30 августа 2013

В сентябрьском номере ежегодника «Московка» за 2011 год мною была опубликована статья «Становится ли певчий дрозд парковой и городской птицей?», в которой рассматривался вопрос о признаках урбанизации певчего дрозда *Turdus philomelos* на примере Москвы и ближнего Подмоскovie (Кузиков 2011). Учитывая некоторый интерес к этой проблеме и пожелания к переизданию статьи в «Русском орнитологическом журнале», нами переработан текст первоначального варианта и добавлены новые данные, касающиеся вопросов урбанизации певчего дрозда в других регионах России.

Певчий дрозд – один из наиболее «лесных» видов, гнёзда которого можно встретить не только на опушках, но и в глубине леса. Его гнездование наиболее тесно связано с елью, точнее, с невысоким еловым подростом, а также с можжевельником (Мальчевский 1959; Мальчевский, Пукинский 1983; Симкин 1990). Ещё в середине XX века на территории нашей страны певчий дрозд предпочитал гнездиться в слабо освоенных человеком местах, но изредка встречался и в парках и садах, мирясь с близостью человеческого жилья (Гладков 1954; Портенко 1954; Симкин 1990). В Западной Европе он уже давно гнездится в парках, на кладбищах и даже в небольших садах, а в Эстонии его гнёзда находили в сараях по лесолугам (Гладков 1954). Гнездование певчего дрозда в городах и лесных посёлках Европы дало основание считать, что в ближайшие десятилетия певчий дрозд и в России может стать парковой и городской птицей (Симкин 1990).

Однако знакомство с литературными источниками показывает, что существенных сдвигов в направлении урбанизации певчим дроздом городов и посёлков в западных и центральных областях России, за исключением Калининграда (Гришанов, Лыков 2012), пока не наблюдается (Птицы городов России 2012). В парках Санкт-Петербурга к началу 1980-х годов певчий дрозд не гнезвился (кроме парка Челюскинцев) и склонности к урбанизации не проявлял (Мальчевский, Пукинский 1983). В настоящее время он встречается в городских парках Петербурга, но в последние годы наблюдается снижение его численности

(Храбрый 2012). Вместе с тем имеются данные, позволяющие говорить о начальных признаках процесса формирования городских популяций певчих дроздов в некоторых районах. Речь идёт об обнаружении в гнездовом поведении певчего дрозда признаков, свидетельствующих о появлении толерантности по отношению к человеку. Например, отмечено, что у птиц, вставших на путь синантропизации, появляется склонность к устройству гнёзд на различных постройках человека (Константинов и др. 1990). Показательно, что в последние годы отмечены пока ещё немногочисленные находки гнёзд певчих дроздов, расположенных в необычных для этого вида местах – в городах, посёлках и техногенных ландшафтах.

Гнездо певчего дрозда *Turdus philomelos* на оконном наличнике в посёлке Жаворонки Одинцовского района Московской области. 7 мая 2011. Фото автора.

Известна находка двух гнёзд певчего дрозда в Харьковской области в 1990 и 1991 годах на бетонных столбах забора из металлической сетки вокруг пионерского лагеря (Надточий и др. 1992). В посёлке Брыкин Бор (Окский заповедник, Рязанская область) в 1992 году отмечен случай двукратного гнездования в мае и июне певчего дрозда в одном и том же гнезде, расположенном в выемке кирпичной стены на высоте 1.4 м в развалинах стекольного завода (Иванчев 2005). В Баболовском парке города Пушкина в пригороде Санкт-Петербурга 1 июня 2013 найдено гнездо певчего дрозда, устроенного в нише из-под выпавшего кирпича в стене Баболовского дворца (Попов 2013). В посёлке Жаворонки Московской области 5 мая 2011 мною было обнаружено гнездо певчего дрозда, располагавшееся открыто на верхнем наличнике окна одноэтажного деревянного жилого дома (см. рисунок). 3 июля 2013

А.В.Бардин (устн. сообщ.) обнаружил гнездо певчего дрозда в городе Печоры Псковской области. Оно располагалось на яблоне в саду на Новой улице. Находившихся в гнезде птенцов дрозды кормили дождевыми червями, которых после дождя собирали на тротуаре, мало обращая внимания на прохожих. Это первая регистрация певчего дрозда на гнездовании в центре Печор.

Вопрос о времени внедрения певчего дрозда в состав авифауны Москвы не так прост, как кажется на первый взгляд. Процесс формирования московской городской популяции этого вида, вероятно, мог идти двумя путями: 1) за счёт активного вселения птиц в парки, сады, кладбища и других зелёные зоны и 2) путём пассивного вовлечения окраинных популяций в городскую черту с последующей адаптацией их к урбанистической среде. Механизмы формирования городских популяций и микроэволюционных процессов у «диких» видов и видов-синурбанистов подробно рассмотрены в литературе (Фридман 2000; Фридман и др. 2000, Фридман, Ерёмкин 2009).

Формирование авифауны московского региона исчисляется тысячами; оно происходило в несколько этапов в результате коренной трансформации природной среды (Формозов 1947; Воронецкий 2000). На протяжении восьми веков шло интенсивное преобразование территории Подмосковья, связанное с вырубкой коренных лесов, замещением их вторичными лесными сообществами, созданием и ликвидацией крупных садов и парков (Котлов 1962). В последние три столетия в результате роста населения города и градостроительства (Гольденберг 1947) происходило неоднократное расширение границ Москвы с включением в городскую черту лесопарковых территорий, что оказало существенное влияние на формирование московской авифауны.

К сожалению, о распространении певчего дрозда в пределах старой Москвы в прошлом, в частности, в XIX и начале XX века известно мало. Ключевым этапом, с точки зрения времени возможного расширения списка городской авифауны, можно считать 1866 год, когда к городу были присоединены Петровский парк, Сокольники, Анненгофская роща, ряд слобод и дач. В пределах Москвы 1909-1927 годов, ограниченных Московской окружной железной дорогой, гнездование певчего дрозда было известно в парке Сокольники и его ближайших окрестностях – в Погонно-Лосином острове. В Сокольнической роще певчего дрозда в начале 1920-х годов встречал Б.В.Всесвятский (1923). М.М.Беляев (1937) отмечал певчего дрозда в Сокольниках в течение своих 15-летних наблюдений, начиная с 1922 года. За Сокольниками, в районе дач Погонно-Лосиноостровского посёлка, гнездование певчего дрозда зарегистрировано А.Чирковой (1928). В Останкино, на территории между парком и окружной железной дорогой, певчий дрозд из 13 стадий, обследованных А.Кротовым (1941), гнезвился только в смешанном

лесу. На Петровской лесной даче в Петровско-Разумовском (позднее лесная опытная дача Тимирязевской сельскохозяйственной академии) певчий дрозд в 1915 году был «гнездящимся, очень обыкновенным видом» (Нестеров 1917), но к 1958 году он стал более редким, его гнездование отмечали не каждый год (Моравов, Смолин 1960). Вопрос о том, обитал ли певчий дрозд в Петровско-Разумовском прежде, остаётся открытым. Однако можно предположить, учитывая его связь певчего дрозда с еловым подростом и с елью вообще, что он проник на Петровскую лесную дачу не раньше середины XIX века вслед за распространением ели. Известно, что в 1860-х годах на Лесной даче встречались лишь единичные экземпляры ели в возрасте около 70-80 лет и кое-где её подрост 10-15-летнего возраста (Нестеров 1917). Относительно недавнее проникновение ели в Петровско-Разумовское с северо-востока косвенно подтверждается слабым развитием подзолистого горизонта почвы (Нестеров 1917). Это согласуется и с данными В.В.Алёхина (1947), по которым в прошлом территория Москвы была покрыта дубовым лесом, но впоследствии ель вытеснила дуб с севера.

Неоднократные изменения границ города, происходившие в 1909, 1927, 1935, 1958 и 1960 годах, увеличивали площадь Москвы не только за счёт пригородных сёл, но и зелёных массивов, в которых певчий дрозд, вероятно, гнезвился с давних времён. В результате расширения границ Москвы в черте города оказались ближайшие пригороды с лесопарковой и парковой растительностью: Лосиный остров, Измайлово, Кусково, Воробьёвы горы, Фили-Кунцево, Покровское-Стрешнево. Вошел в черту города и лесной массив Шереметьевского парка (позднее Главный ботанический сад), как продолжение Останкинского парка. Из названных мест в первой половине XX века певчий дрозд гнезвился в Ботаническом саду (Бельский, Чмутова 1951), Лосином острове и Измайлове (Промптов 1932), но не исключено, что и в других местах, по которым отсутствуют данные.

Наиболее полно фауна птиц и её изменения изучены в Главном ботаническом саду и его окрестностях (Кротов 1941; Бельский, Чмутова 1951; Морозов 1996, 2009; и др.). Исходя из опубликованных данных, гнездование певчего дрозда регистрировали здесь в 1929-1935 и 1949-1963 годах (Кротов 1941; Бельский, Чмутова 1951; Морозов 2009), но вполне возможно, что он стал осваивать эти места и ранее, приблизительно с середины XIX века, как и в Петровско-Разумовском. В то время территория нынешнего Главного ботанического сада, по крайней мере, с XVIII века, уже была облесена (Морозов 1996). В настоящее время в природно-историческом парке Останкино, включая Главный ботанический сад, певчий дрозд достиг высокой локальной плотности населения во внутренней части лесного массива и стал одним из фоновых видов (Морозов 2009).

В Измайловском лесопарке структуру и динамику населения птиц изучали на протяжении почти 40 лет (Промптов 1932; Флинт, Кривошеев 1962а,б; Флинт, Тейхман 1976). По А.Н.Промптову (1932), певчий дрозд в 1927-1928 годах гнезвился в Измайловском зверинце в небольших участках ельников, но первоначально, на рубеже XVII-XVIII веков, не имел широкого распространения ввиду преобладания в тот период сосны, липы и малого участия ели в растительном покрове. Позднее численность певчего дрозда в Измайловском парке возросла, и в 1966 году, по сравнению с 1950, он стал многочисленнее (Флинт, Кривошеев 1962а,б; Флинт, Тейхман 1976).

На Воробьёвых горах, по данным Е.С.Птушенко (1976), обобщившего наблюдения Лоренца 1875-1891 годов, К.А.Сатунина (1880-е годы) и Г.И.Полякова (1924), певчего дрозда прежде, начиная с 1921-1923 годов, встречали только на весеннем пролёте. Отсутствие певчего дрозда на гнездовье на Воробьёвых горах в прошлом можно объяснить широким распространением здесь в то время дубовых и липовых лесов (Птушенко 1976) и, вероятно, малочисленностью ели. В фауне птиц села Воробьёво и его окрестностей в 1940-х годах, до начала строительства на этом месте нового здания Московского университета, певчего дрозда также не отмечали (Благосклонов 1960; Строков 1962а). В период формирования фауны птиц на территории МГУ на Ленинских горах, в частности, в Ботаническом саду, в 1951-1957 годах певчий дрозд также не был зарегистрирован и лишь намечался для акклиматизации из Подмоскovie (Благосклонов 1960). В центральной части Теплостанской возвышенности певчий дрозд как гнездящийся вид стал отмечаться в 1962-1988, а в долинах рек Сетунь и Раменки – в 1980-1989 годах (Константинов и др. 1990). В районе Лужников певчего дрозда не отмечали в 1949-1951 и 1957-1958 годах, и лишь единичные особи были встречены в 1969-1970 годах (Строков 1973).

С 1960-х годов по настоящее время были опубликованы новые материалы об обитании певчего дрозда в других районах города: Серебряном бору (Залетаев 1974; Королькова 1974), Кузьминском лесопарке (Савохина 1989, 1991), в Тёплом Стане (Константинов и др. 1990). Получены данные, уточняющие распространение и численность певчего дрозда в ранее обследованных районах (Строков 1973; Равкин 1978, 1988; Корнеева, Шпиякин 1978; Корнеева 1979; Ильичёв и др. 1987; Ильичёв 1990; Константинов и др. 1990; Константинов, Лебедев 1990; Морозов 1996, 2009; Авилова и др. 2007). В 1970-х годах певчий дрозд постоянно встречался и гнезвился в Воронцовском парке, расположенном между Ленинским проспектом и улицей Архитектора Власова, но позднее стал редким видом (Ильичёв 1990). Описана находка гнезда певчего дрозда в зарослях дикого винограда в 1965 году в самом центре Москвы, в проезде Художественного театра (Рахилин 1967). Вместе с

тем, обследование парковых зон и многих мемориальных кладбищ в центральных районах города не выявило присутствия певчего дрозда (Строков 1962б; Френкина 1983; Константинов, Лебедев 1990).

В.С.Фридман и Г.С.Ерёмкин (2009) считают, что формирование городской популяции певчего дрозда в Москве началось в конце 1990-х годов, но, как отмечают сами авторы, процесс ещё не закончен.

В настоящее время для атласа «Птицы города Москвы» в границах Московской кольцевой автодороги проведено детальное изучение особенностей распространения и численности певчего дрозда как одного из видов авифауны Москвы, установлены места его гнездования (Калякин, Волцит 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012).

Таким образом, можно предположить, что в некоторых старых парках и лесопарках (Сокольники, Погонно-Лосиный остров, Петровско-Разумовское, Останкино, Измайлово) певчий дрозд обитал, вероятно, давно. Возможно, по мере разрастания зон жилой застройки он вытеснялся человеком в более спокойные места, но и, с другой стороны, осваивал с переменным успехом вновь создававшиеся «зелёные» островки вроде кладбищ и новых парковых зон.

Изменяющиеся условия среды обитания, в частности, сокращение или исчезновение елового подроста, заставляют певчего дрозда приспособливаться к новой ситуации. Одновременно, вероятно, идёт процесс освоения других мест гнездования, где в качестве основы для расположения гнёзд им используется подрост лиственных пород деревьев и подлесок (лещина и т.п.). Антропогенное воздействие возрастающего рекреационного использования лесопарковой зоны оказывает на певчего дрозда пока ещё сильное влияние. Считают, что певчий дрозд при воздействии рекреации, как правило, перестаёт гнездиться в зонах массового отдыха и в редких случаях уходит в малодоступные для человека и хищников места, размещая гнёзда, например, в полудуплах деревьев на значительной высоте (Самойлов, Морозова 1987). По другим данным – он продолжает гнездиться на участках, подверженных рекреационным нагрузкам, например, в березняках Мытищинского лесопарка, лишь снижая в 4-6 раз плотность по сравнению с коренными ельниками (Корнеева 1979).

Анализируя материалы о былом распространении певчего дрозда в окрестностях Москвы, а также среде его обитания, можно предположить, что в прошлом певчий дрозд издавна заселял в Московском регионе еловые и смешанные леса с примесью хвойных пород, к которым он тяготеет и поныне (Самойлов, Морозова 1982). Основываясь на карте восстановленного растительного покрова Московской области, составленной В.В.Алёхиным (1934), смешанные елово-широколиственные леса прежде подходили к Москве с севера, северо-запада и юго-запада, оставляя небольшой клин сосновых лесов на западе. На востоке, северо-

востоке и юго-востоке к границам Москвы подступали сосновые леса, а на юге – широколиственные. Вероятно, область распространения певчего дрозда в Подмосковье стала сокращаться по мере сведения еловых лесов на водоразделах и замене их производными, как, например, было отмечено в Серебряноборском лесничестве (Рысин 1980) и Мытищинском лесопарке, где коренные ельники сохранились только в Лосином острове и западной части Алексеевской рощи (Абатуров, Казанцева 1979; Корнеева 1979). С другой стороны, сокращение площади широколиственных и других коренных лесов в ряде мест Подмосковья к XIX веку и проникновение ели, в том числе в результате культивирования (Абатуров и др. 1978), способствовало, по-видимому, распространению певчего дрозда. С середины XX века численность его в ряде мест Москвы стабилизировалась и наметилась тенденция к колонизации оставшейся незанятой им «зелёной зоны» из центров постоянного обитания (парки и лесопарки). К концу XX века и особенно в начале XXI века численность певчего дрозда в большинстве освоенных им местообитаний увеличилась, несмотря на усиливающееся антропогенное влияние, что может свидетельствовать о возрастании уровня урбанизации этого вида.

Певчий дрозд, как потенциальный синурбанист, вблизи человеческого жилья всё ещё не стал толерантным видом по отношению к человеку. Имеются и другие критерии, по которым певчего дрозда пока ещё трудно назвать городской птицей. Так, известно, что многие виды птиц из городских популяций Западной Европы, например, чёрные дрозды *Turdus merula*, становятся оседлыми и имеют больше кладок в году, чем птицы того же вида в лесных ландшафтах (Дроздов 1967).

В этом смысле певчий дрозд значительно уступает рябиннику *Turdus pilaris*, который гораздо активнее занимает гнездовую нишу древесного яруса поблизости от построек человека в парках и зелёной зоне. Если ещё совсем недавно в черте Москвы рябинник активно защищал свои владения от вторжения людей или животных, имитируя нападение на них или даже применяя обливание помётом, то в последнее время в поселениях этого вида, по-видимому, произошёл отбор на относительно более терпимых к человеку особей. Очевидно, такая реакция положительно сказывается на увеличении его численности. При этом изменились не только поведение птиц в гнездовой период, которые стали спокойно относиться к приближению людей к гнёздам во время насиживания кладки и кормления птенцов, но и способ гнездования. Редко можно найти в городе гнездо рябинника, расположенное ниже 3-4 м, практически нет гнёзд, устроенных на земле, хотя в ближнем Подмосковье они ещё встречаются. Освоение рябинником парков Москвы и его склонность к синантропизации отмечена с 1970-х годов (Константинов и др. 1990; Фридман, Ерёмкин 2009).

Певчий дрозд, в противоположность рябиннику, всё ещё остаётся очень осторожной птицей и при беспокойстве обычно бросает гнездо. Однако лёгкость, с которой певчий дрозд бросает кладки, и частое разорение гнёзд, по мнению В.С.Фридмана и Г.С.Ерёмкина (2009), у «городских» птиц увеличивает интенсивность и успешность повторных размножений поблизости от прежнего участка, а у «внегородских» — увеличивает вероятность прекращения повторного гнездования.

Слабая колонизация центральной части Москвы певчим дроздом обусловлена ещё и тем, что в отличие от рябинника, у него не произошло массового изменения способа гнездования на деревьях лиственных пород в среднем и верхнем ярусах. Подавляющее большинство гнёзд певчего дрозда в Москве, как показал анализ их размещения, располагались в подлеске, редко у стволов дуба за отставшей корой (Морозов 2009). В Подмосковье особенности гнездования певчего дрозда в настоящее время, по сравнению с прошлым веком, мало изменились. В 1950-х годах в Приокско-Террасном заповеднике Московской области певчий дрозд устраивал гнёзда на елях нижнего яруса (45% случаев), на боковых ветвях старых елей (23%), на низкоствольных сосенках (25%), реже в кустах можжевельника и в отдельных случаях — на лиственных породах деревьев (Александрова 1956). По суммарным данным для Московской области, обобщённым Е.С.Птушенко и А.А.Иноземцевым (1968), певчий дрозд гнезвился на елях в 73% случаев и в 27% случаев — на соснах, можжевельнике, лиственных деревьях, в кучах хвороста и на пнях. Авторы отмечали, что иногда низко устроенные гнёзда певчий дрозд маскировал окружающими ветвями деревьев, а вблизи населённых пунктов чаще устраивал гнёзда в кронах высоких елей на высоте 12-15 м и выше (Птушенко, Иноземцев 1968). По данным С.Е.Черенкова (1996), собранным на Малинской биогеоэкологической станции в Подольском районе Московской области, 97.5% гнёзд располагалось на елях, 1.5% — на сосне и 1% — на черёмухе и бузине. Интересно, что в том же Подольском районе (тогда уезде), где певчий дрозд обитал в 1901-1903 годах в старом лиственном лесу с небольшой примесью ели, он также в подавляющем большинстве случаев размещал свои гнёзда на молодых елях высотой 2.5-4 аршина (1.8-2.8 м). На лиственных деревьях этот дрозд устраивал гнёзда «...только при условии, что дерево, где находится гнездо, густо закрыто соседними деревьями или обвито густым хмелем» (Мосолов 1904). По нашим данным, собранным в окрестностях посёлка Жаворонки, в настоящее время певчий дрозд также гнездится в основном в кронах молодых елей на высоте от 1 до 5 м, иногда выше. Из гнёзд, осмотренных в 2000-2011 годах, 85% располагались на молодых елях и 15% — на пнях, соснах, в сплетениях ветвей лещины и на поваленных стволах деревьев (Кузиков 2008).

В последние годы находки гнёзд певчего дрозда в черте Москвы не стали редкостью, что позволило присвоить ему статус регулярно гнездящегося обычного вида (Ерёмкин, Очагов 2008; Фридман, Ерёмкин 2009). Подводя итоги изучения особенностей поведения, гнездования и распространения певчего дрозда в Москве и ближнем Подмоскovie, можно констатировать, что певчий дрозд прочно вошёл в фауну города, освоив все лесопарки, некоторые парки, кладбища и «зелёные зоны», но всё ещё очень редок, пуглив и осторожен в многочисленных местах. Имеющиеся попытки певчего дрозда закрепиться в несвойственных ему местах обитания можно рассматривать как небольшие дополнительные шаги на пути к урбанизации.

Л и т е р а т у р а

- Абатуров А.В., Иванников В.С., Семенкова И.Г. 1978. Культура ели в Погонно-Лосином острове // *Растительность и животное население Москвы и Подмоскovie*. М.: 39-40.
- Абатуров А.В., Казанцева Т.Н. 1979. Растительность // *Леса Восточного Подмоскovie*. М.: 25-38.
- Авилова К.В., Ерёмкин Г.С. Очагов Д.М., Толстенков О.О. 2007. Многолетняя динамика фауны птиц лесной опытной дачи Тимирязевской сельхозакадемии // *Динамика численности птиц в наземных ландшафтах*. М.: 158-164.
- Александрова И.В. 1956. Некоторые данные о гнездовании дроздов // *Пути и методы использования птиц в борьбе с вредными насекомыми*. М.: 127-129.
- Алёхин В.В. 1934. *Геоботанические карты Московской области*. М.: 1-7. + карта.
- Алёхин В.В. 1947. *Растительность и геоботанические районы Московской и сопредельных областей*. М.: 1-79.
- Бельский Н.В., Чмутова А.П. 1951. Значение птиц в защите растительности Главного ботанического сада // *Бюл. ГБС АН СССР* 9: 93-103.
- Беляев М.М. 1937. 15-летние наблюдения над орнитофауной Сокольнической рощи // *Природа* 7: 110-112.
- Благосклонов К.Н. 1960. Формирование фауны птиц на территории Московского Государственного Университета на Ленинских Горах // *Охрана природы и озеленение* 2: 109-113.
- Воронецкий В.И. 2000. Ландшафтно-исторический анализ авифауны Московской городской агломерации // *Экополис-2000. Экология и устойчивое развитие города. Материалы 3-й конф. по программе «Экополис»*. М.: 155-158.
- Всесвятский Б.В. 1923. *Экскурсии в природу Сокольников*. М.; Петроград: 1-68.
- Гладков Н.А. 1954. Семейство дроздовые Turdidae // *Птицы Советского Союза*. М., 6: 398-621.
- Гольденберг П.И. 1947. *Старая Москва*. М.: 1-96.
- Гришанов Г.В., Лыков Е.Л. 2012. Калининград // *Птицы городов России*. СПб.; М.: 166-192.
- Дроздов Н.Н. 1967. Фауна и население птиц культурных ландшафтов // *Орнитология* 8: 3-46.
- Ерёмкин Г.С., Очагов Д.М. 2008. Опыт природоохранного анализа списков гнездящихся птиц г. Москвы и пригорода // *Редкие виды птиц Нечерноземного центра России*. М.: 67-73.
- Залетаев В.С. 1974. Состав фауны позвоночных Серебряного бора // *Природа Серебряноборского лесничества в биогеоценотическом отношении*. М.: 304-310.

- Иванчев В.П. 2005. Двукратное гнездование певчего дрозда *Turdus philomelos* в одном гнезде // *Рус. орнитол. журн.* 14 (300): 903.
- Ильичёв В.Д., Бутьев В.Т., Константинов В.М. 1987. *Птицы Москвы и Подмосковья*. М.: 1-272.
- Ильичёв В.Д. 1990. Орнитофауна парков: эколого-методические и природоохранные аспекты // *Экологические исследования в парках Москвы и Подмосковья*. М.: 54-73.
- Калякин М.В., Волцит О.В. (ред.). 2007. *Птицы Москвы: 2006 год, квадрат за квадратом. Тр. программы «Птицы Москвы и Подмосковья»* 1: 1-176.
- Калякин М.В., Волцит О.В. (ред.). 2008. *Птицы Москвы: 2007 год, квадрат за квадратом. Тр. программы «Птицы Москвы и Подмосковья»* 2: 1-227.
- Калякин М.В., Волцит О.В. (ред.). 2009. *Птицы Москвы: 2008 год, квадрат за квадратом. Тр. программы «Птицы Москвы и Подмосковья»* 4: 1-332.
- Калякин М.В., Волцит О.В. (ред.). 2010. *Птицы Москвы: 2009 год, квадрат за квадратом. Тр. программы «Птицы Москвы и Подмосковья»* 5: 1-297.
- Калякин М.В., Волцит О.В. (ред.). 2011. *Птицы Москвы: 2010 год, квадрат за квадратом. Тр. программы «Птицы Москвы и Подмосковья»* 7: 1-285.
- Калякин М.В., Волцит О.В. (ред.). 2012. *Птицы Москвы: 2011 год, квадрат за квадратом. Тр. программы «Птицы Москвы и Подмосковья»* 8: 1-178.
- Константинов В.М., Бабенко В.Г., Силаев О.Л., Авилова К.В., Лебедев И.Г. 1990. Антропогенные изменения фауны и населения лесных птиц Теплостанской возвышенности // *Экологические исследования в парках Москвы и Подмосковья*. М.: 90-117.
- Константинов В.М., Лебедев И.Г. 1990. Фауна и население птиц мемориальных кладбищ Москвы // *Экологические исследования в парках Москвы и Подмосковья*. М.: 85-90.
- Корнеева Т.М., Шпиякин А.З. 1978. Влияние рекреации на население птиц лиственных лесов лесопаркового пояса // *Растительность и животное население Москвы и Подмосковья*. М.: 56-57.
- Корнеева Т.М. 1979. Анализ населения птиц северо-восточной части лесопаркового пояса Москвы // *Леса Восточного Подмосковья*. М.: 126-145.
- Королькова Г.Е. 1974. Численность гнездящихся птиц Серебряного бора // *Природа Серебряноборского лесничества в биогеоценологическом отношении*. М.: 310-313.
- Котлов Ф.В. 1962. *Изменение природных условий территории Москвы под влиянием деятельности человека и их инженерно-геологическое значение*. М.: 1-263.
- Кротов А. 1941. Фауна окрестностей Москвы // *Природа и социалистическое хозяйство* 8, 2: 349-354.
- Кузиков И.В. 2008. Материалы к фауне птиц окрестностей посёлка Жаворонки Одинцовского района Московской области // *Фауна и экология птиц Подмосковья. Тр. программы «Птицы Москвы и Подмосковья»* 3: 38-58.
- Кузиков И.В. 2011. Становится ли певчий дрозд парковой и городской птицей? // *Московка* 14: 18-26.
- Мальчевский А.С. 1959. *Гнездовая жизнь певчих птиц: Размножение и пост-эмбриональное развитие лесных воробьиных птиц Европейской части СССР*. Л.: 1-282.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 2: 1-504.
- Моравов А.А., Смолин П.П. 1960. Об изменении орнитофауны Лесной опытной дачи Московской сельскохозяйственной академии имени К.А.Тимирязева // *Зоол. журн.*, 39, 8: 1232-1235.
- Морозов Н.С. 1996. Орнитофауна Главного ботанического сада в Москве: современное состояние и изменения за последние 65 лет // *Бюл. МОИП. Отд. биол.*, 101, 4: 16-28.
- Морозов Н.С. 2009. Птицы городских лесопарков как объект синэкологических исследований: наблюдаются ли обеднение видового состава и компенсация плотностью? // *Виды и сообщества в экстремальных условиях*. М.; София: 429-486.

- Мосолов Н. 1904. Из жизни птиц Московской губернии. Дрозды // *Естествознание и география* 6: 57-69.
- Надточий А.С., Зиоменко С.К., Чаплыгина А.Б. 1992. Нетипичное гнездование птиц в антропогенном ландшафте // *Кавказ. орнитол. вестн.* 4, 2: 190-192.
- Нестеров Н.С. 1917. Петровская лесная дача // *Пятьдесят лет Высшей сельскохозяйственной школы в Петровском Разумовском.* М., 2, 1: 242-411.
- Поляков Г.И. 1924. *Птицы Богородского уезда с параллельным списком птиц Московской губернии.* М.: 1-90..
- Попов И.Н. 2013. Случай гнездования певчего дрозда *Turdus philomelos* в нише каменной стены в Баболовском парке Пушкина // *Рус. орнитол. журн.* 22 (895): 1807-1808.
- Портенко Л.А. 1954. *Птицы СССР.* Ч. 3. М.; Л.: 1-256.
- Промптов А.Н. 1932. Качественный и количественный учёт фауны птиц Измайловского зверинца под Москвой // *Зоол. журн.* 11, 1: 141-185.
- Птицы городов России.* 2012. СПб.; М.: 1-513.
- Птушенко Е.С. 1976. Изменения авифауны Ленинских гор и их окрестностей // *Орнитология* 12: 3-9.
- Птушенко Е.С., Иноземцев А.А. 1968. *Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий.* М.: 1-461.
- Равкин Е.С. 1978. Учёты птиц в Лосиноостровском лесопарке в 1960-1961 гг. // *Растительность и животное население Москвы и Подмосковья.* М.: 62-63.
- Равкин Е.С. 1988. Весенне-летнее население птиц лесной опытной дачи ТСХА // *Биоэкологическая оптимизация лесных биогеоценозов. Сб. науч. трудов МСХА.* М.: 32-37.
- Рахилин В.К. 1967. Влияние условий города на птиц Москвы // *Животное население Москвы и Подмосковья, его изучение, охрана и направленное преобразование.* М.: 83-85.
- Рысин Л.П. 1980. Типы леса Серебряноборского опытного лесничества // *Природа Серебряноборского лесничества в биогеоэкологическом отношении.* М.: 173-221.
- Савохина Л.В. 1989. Состояние орнитофауны Кузьминского лесопарка г. Москвы // *Экология и охрана диких животных.* М.: 22-26.
- Савохина Л.В. 1991. Динамика авифауны Кузьминского лесопарка Москвы // *10-я Всесоюз. орнитол. конф.* Минск, 2, 2: 192-193.
- Самойлов Б.Л., Морозова Г.В. 1982. Пернатое население столицы // *Городское хозяйство Москвы,* 2: 36-37.
- Самойлов Б.Л., Морозова Г.В. 1987. Влияние рекреационного лесопользования на животных // *Природные аспекты рекреационного использования леса.* М.: 36-70.
- Симкин Г.Н. 1990. *Певчие птицы.* М.: 1-400.
- Строков В.В. 1962а. К экологии коноплянки на юго-западе Москвы // *Орнитология* 5: 290-299.
- Строков В.В. 1962б. Насекомоядные птицы в Москве // *Орнитология* 4: 305-315.
- Строков В.В. 1973. Озеленение Москвы и население птиц // *География Москвы и Подмосковья.* М.: 128-136.
- Флинт В.Е., Кривошеев В.Г. 1962а. Сравнительный анализ фауны птиц Измайловского лесопарка // *Бюл. МОИП. Отд. биол.,* 67, 3: 18-28.
- Флинт В.Е., Кривошеев В.Г. 1962б. Изменение орнитофауны Измайловского парка за двадцать пять лет // *Орнитология* 5: 300-308.
- Флинт В.Е., Тейхман А.Л. 1976. Закономерности формирования орнитофауны городских лесопарков // *Орнитология* 12: 10-25.
- Формозов А.Н. 1947. Фауна // *Природа города Москвы и Подмосковья.* М.; Л.: 287-370.
- Френкина Г.И. 1983. Фауна и население лесных птиц в условиях интенсивной рекреации // *Влияние антропогенных факторов на структуру и функционирование биоценозов.* М.: 57-68.

- Фридман В.С. 2000. Преадаптивность птиц к освоению городской среды: этологические аспекты // *Экополис-2000. Экология и устойчивое развитие города. Материалы 3-й конф. по программе «Экополис»*. М.: 176-178.
- Фридман В.С., Кавтарадзе Д.Н., Симкин Г.Н. 2000. Города как арены микроэволюционных процессов (чем обеспечивается устойчивость популяций в нестабильной, мозаичной и изменчивой среде) // *Экополис-2000. Экология и устойчивое развитие города. Материалы 3-й конф. по программе «Экополис»*. М.: 162-170.
- Фридман В.С., Ерёмкин Г.С. 2009. Урбанизация «диких» видов птиц в контексте эволюции урболандшафта. М.: 1-240.
- Храбрый В.М. 2012. Санкт-Петербург // *Птицы городов России*. СПб.; М.: 413-461.
- Черенков С.Е. 1996. Размещение гнёзд и успешность гнездования певчего дрозда (*Turdus philomelos*) в условиях высокой мозаичности леса // *Зоол. журн.* **75**, 6: 917-925.
- Чиркова А. 1928. Охраняйте гнездовья певчих птиц // *Охрана природы*. М., 1: 19-20.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 913: 2330-2331

О структуре популяции мухоловки-пеструшки *Ficedula hypoleuca* в Полесском заповеднике

О.А.Яремченко

Второе издание. Первая публикация в 1986*

В 1984-1985 годах мы исследовали структуру гнездовой популяции мухоловки-пеструшки *Ficedula hypoleuca* в Полесском заповеднике, в Селезовском заповедном лесничестве. В общей сложности проконтролировано 148 гнёзд с завершённым циклом размножения.

В условиях Полесского заповедника мухоловка-пеструшка является многочисленным гнездящимся видом, её плотность составляет в среднем 0.4 пары на 1 га. Территориальное размещение пеструшек находится в прямой зависимости от наличия искусственных гнездовий. Там, где они имеются в достаточном количестве, плотность гнездования мухоловок-пеструшек достигает 7 пар на 1 га, а где отсутствуют — не превышает 0.05 пары на 1 га. Мухоловки одинаково охотно селятся в гнездовьях всех предлагаемых типов и во всех лесных биотопах, являясь доминантами среди птиц — обитателей искусственных гнездовий. Их доля составляет в разные годы 55.7-77.6%.

Наиболее ранние и растянутые сроки откладки яиц характерны для мухоловок-пеструшек, гнездящихся в районе усадьбы заповедника и на расстоянии до 3 км от неё — с 4 по 19 мая. Пары, поселившиеся в

* Яремченко О.А. 1986. О структуре популяции мухоловки-пеструшки в Полесском заповеднике // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 2: 367-368.

3.5-6 км от усадьбы, отличались более поздними и сжатыми сроками откладки яиц – с 10 по 19 мая. В 6.5-10 км мухоловки-пеструшки начинали кладку с 13 по 19 мая. На основании выявленных различий мы разделили популяцию на три группировки по степени удалённости от жилья человека.

Особи из первой группировки (в радиусе 3 км от усадьбы заповедника) откладывают в среднем большее количество яиц (6.5 ± 0.1), чем особи из обитающих дальше от жилья человека второй и третьей группировок (5.9 ± 0.2 и 5.8 ± 0.1 ; $P \leq 0.01$ по отношению к 1-й группировке). В кладках было от 1 до 6 неполноценных яиц (3.9% с погибшими эмбрионами, 1.1% неоплодотворённые и 0.3% усохли из-за чрезмерно тонкой скорлупы). Наибольшее количество неполноценных яиц отмечено в первой зоне (в среднем 0.5 ± 0.09). Во второй и третьей зонах величина эта ниже (0.2 ± 0.1 и 0.1 ± 0.1). Количество вылупившихся птенцов составило в среднем 6.1 ± 0.1 в первой и по 5.7 ± 0.1 во второй и третьей группировках ($P \leq 0.01$ по отношению к 1-й группировке).

Доля гибели птенцов также была самой высокой в первой зоне, где в среднем на гнездо погибает 0.5 ± 0.09 птенца (в двух других зонах – лишь 0.1 ± 0.1 и 0.2 ± 0.2). К моменту вылета птенцов из гнезда средняя величина выводка примерно одинакова во всех группировках: 5.5 ± 0.1 , 5.6 ± 0.3 и 5.5 ± 0.5 . Эффективность размножения – 86.1, 94.9 и 94.8%.

Таким образом, в районе центральной усадьбы заповедника и на расстоянии до 3 км от неё поселяются, в первую очередь, рано гнездящиеся особи, которых, видимо, привлекает сюда и позволяет раньше размножаться обилие корма. Это наиболее продуктивные птицы. Но часто неустойчивая погода в период гнездостроения и откладки яиц отрицательно сказывается на физиологическом состоянии этих особей, нарушает режим инкубации, что, в свою очередь, отражается на успешности вылупления птенцов. Кроме того, в период выкармливания птенцов мухоловки подвержены повышенному воздействию фактора беспокойства. Нарушается режим кормления птенцов, что может способствовать их гибели. В итоге эффективность размножения у этой группы птиц самая низкая. В отдалённых участках леса, где корма меньше, поселяются более поздно гнездящиеся особи. Их кладки отличаются и меньшей величиной. Но откладка яиц происходит в период, когда погода уже установилась, и успешность вылупления птенцов в гнёздах этих птиц выше. В период кормления птенцов они в меньшей мере подвергаются фактору беспокойства. Общая эффективность размножения здесь самая высокая.

Новая находка афганского земляного воробья *Pyrgilauda theresae* в Туркмении

Г.С.Бельская, А.Н.Сухинин

Второе издание. Первая публикация в 1964*

Афганский земляной воробей *Pyrgilauda theresae* (R.Meinertzhagen, 1937) впервые добыт в пределах СССР Н.А.Лымарем в декабре 1948 года на Ер-Ойлан-Дузе (Бадхыз) в количестве 4 экземпляров (Дементьев, Судиловская 1951; Судиловская 1954; Рустамов 1958; Портенко 1960). Новые сведения об этой малоизученной птице собраны экспедицией Института зоологии и паразитологии АН Туркменской ССР в Карабиле, расположенном в междуречье Мургаба и Амударьи.

С 25 ноября по 3 декабря 1959 обследовалась южная, наиболее высокая часть Карабиля у колодца Кара-Баба (110 км восточнее Тахта-Базара), абсолютная высота которой достигает 915 м н.у.м., а с 4 по 19 декабря 1959 – местность, представляющая переходную зону от Карабиля к пескам Юго-Восточных Каракумов, у колодца Солтануюк (650-700 м н.у.м.). В ноябре часто шли дожди, 1 и 2 декабря выпал снег, который через несколько дней растаял. Температура воздуха понизилась до минус 10-15°C, но с 6 по 10 декабря днём она достигла плюс 12-15°. С 12 по 16 декабря шёл снег. Глубина снежного покрова, который сохранился до конца работ экспедиции, достигала 20 см, а в отдельных местах – 40-50 см.

В ясные тёплые дни к лужам у колодцев Кара-Баба и Солтануюк прилетало на водопой много птиц, среди которых встречались и афганские земляные воробьи. За 23 ч (26-30 ноября) у Кара-Баба на водопое зарегистрировано 1542 птицы, в том числе 1143 (74.1%) афганских земляных воробья.

Характерно, что горные виды птиц: афганский земляной воробей, коноплянка *Acanthis cannabina*, горная чечётка *Acanthis flavirostris*, монгольский пустынный снегирь *Bucanetes githagineus mongolicus*, красношапочный вьюрок *Serinus pusillus* – здесь составляли 93.4% общего количества всех птиц (табл. 1). Судя по литературным данным (Дементьев и др. 1951) и нашим наблюдениям, перечисленные птицы в Карабиле не гнездятся и в тёплое время года не встречаются. Ни разу не встречены они и в период с 22 мая по 25 июня 1959, когда мы специально изучали орнитофауну в окрестностях колодца Кара-Баба.

* Бельская Г.С., Сухинин А.Н. 1964. Новая находка афганского земляного воробья в Туркмении // Изв. АН Туркм.ССР. Сер. биол. наук 3: 85-87.

Несомненно, что птицы, совершающие осенне-зимние вертикальные миграции (Судиловская 1954), проникли в Карабиль с гор Северного Афганистана.

Таблица 1. Видовой состав птиц, отмеченных на водопое у колодцев в Карабилье

Виды	Колодцы			
	Кара-Баба		Солтануюк	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Сизый голубь	6	0.4	–	–
Афганский земляной воробей	1143	74.1	15	7.1
Полевой воробей	12	0.8	15	7.1
Испанский воробей	56	3.6	47	22.2
Горный воробей	–	–	2	0.9
Коноплянка	209	13.5	34	16.0
Горная чечётка	38	2.5	11	5.2
Монгольский пустынный снегирь	49	3.2	–	–
Красношапочный вьюрок	2	0.1	1	0.5
Юрок	–	–	1	0.5
Щегол	2	0.1	–	–
Зеленушка	1	0.1	–	–
Белая трясогузка	1	0.1	–	–
Красноспинная горихвостка	1	0.1	–	–
Хохлатый жаворонок	22	1.4	65	30.7
Двупятнистый жаворонок	–	–	6	2.8
Степной жаворонок	–	–	10	4.7
Полевой жаворонок	–	–	3	1.4
Серый жаворонок	–	–	2	0.9
Итого	1542	100.0	212	100.0

Афганские земляные воробьи прилетали к воде с юга одиночками, парами, чаще стайками по 3-400 особей в каждой. Обычно стаи афганских воробьёв не сразу спускались к воде, а подолгу с криком кружили над лужами. С водопоя улетали обратно на юг. В пасмурные дни и в период выпадения осадков они посещали водопой реже. Так, за 4 ч наблюдений 30 ноября (отмечалась изморозь) зарегистрировано только 5 особей, а 3 декабря (падал снег) – 2.

В ближайших окрестностях колодца Кара-Баба афганский земляной воробей встречался сравнительно редко. На 3 маршрутах общей протяжённостью около 20 км их зарегистрировано всего 13 (стайка из 11 птиц и 2 одиночки).

У колодца Солтануюк (100 км севернее колодца Кара-Баба) за 5 ч 10 декабря отмечено только 15 афганских земляных воробьёв, или 7.1% всех птиц, зарегистрированных на этом водопое (см. табл. 1). Горные виды здесь составляли 28.2%, то есть значительно меньше, чем в Кара-Баба. В среднем к воде у Кара-Баба прилетало за 1 ч около 63

особей горных видов, а у Солтануюка – около 10, в том числе афганских земляных воробьёв – соответственно 49 и 3.

Всего нами добыто 23 афганских земляных воробья (14 самцов и 9 самок): у Кара-Баба 26 ноября – 4 экз., 28 ноября – 8 экз. 29 ноября – 8 экз. и 10 декабря у Солтануюка – 3 экз. Размеры и вес их приводятся в таблице 2.

Таблица 2. Вес и размеры афганских земляных воробьёв *Pyrgilauda theresae*

Пол	Число экз.	Вес, г	Длина, мм					Размах крыльев, мм
			крыла	хвоста	цевки	клюва	тела	
♂♂	14	25-35 (28.5)	88-95 (91.3)	51-60 (55.3)	20-21.6 (21.0)	12.5-14.2 (13.2)	135-152 (144.3)	272-295 (283.1)
♀♀	9	25-30 (27.0)	87-95 (92.4)	51-59 (55.2)	19-22 (20.7)	12.5-13.5 (13.1)	141-152 (146.7)	275-294 (285.2)

Примечания. Длина клюва измерялась от лобного оперения.

В скобках приводятся средние значения.

При анализе содержимого 19 желудков добытых птиц оказалось, что в ноябре-декабре афганские земляные воробьи питались насекомыми (84.2%) и семенами (68.2%) – *Carex pachystylis*, *Convolvulus divaricatus* и *Thuspeinantha persica*. Из насекомых добывались главным образом долгоносики (63.1%) и муравьи (36.8%). Лишь в одном желудке обнаружены перепончатокрылые.

Из добытых 23 афганских земляных воробьёв у 14 особей отмечалась средняя упитанность, у 8 – низкая и только у 1 – высокая.

У 2 из 8 птиц зарегистрирована линька. У самца, добытого 26 ноября, кроющие правой ноздри в чехликах, а у другого, добытого 10 декабря, – линяли верхние кроющие хвоста и перья между копчиковой железой и рулевыми.

Л и т е р а т у р а

- Дементьев Г.П., Судиловская А.М. 1951. Афганский земляной воробей – *Pyrgilauda theresae* Meinertzhagen – новый вид для фауны СССР // *Изв. Туркм. фил. АН СССР* 2: 91-92.
- Дементьев Г.П., Рустамов А.К., Спангенберг Е.П. 1951. Птицы Карабиля (юго-вост. Туркмения) // *Изв. АН Туркм. ССР* 3: 52-58.
- Портенко Л.А. 1960. *Птицы СССР (Воробьиные)*. Ч. 4. М.; Л.: 1-415 (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 69).
- Рустамов А.К. 1958. *Птицы Туркменистана*. Ашхабад, 2: 1-252.
- Судиловская А.М. 1954. Семейство ткачиковые Ploceidae // *Птицы Советского Союза*. М., 5: 306-374.

О применении манного филина *Bubo bubo*

В.П.Теплов

Второе издание. Первая публикация в 1958*

Живого манного филина *Bubo bubo* издавна используют при отстреле вороновых и дневных хищных птиц как у нас, в СССР, так и за границей. Но литературы об охоте с манным филином на русском языке почти совершенно нет. Необходимость популяризации способов уничтожения серой вороны *Corvus cornix* в целях охраны дичи, трудность добычи хищных птиц для научных целей и имеющиеся у нас предпосылки применять манного филина при отлове целого ряда видов птиц в целях их кольцевания обосновывают целесообразность опубликования настоящей статьи.

В апреле 1954, 1955 и 1956 годов в окрестностях кордона Липовая гора Окского заповедника мною и другими сотрудниками Орнитологической станции был проведён 31 опыт применения манного филина. Общая продолжительность опытных охот равнялась 58.5 ч. Филин выставлялся на лесных полянах или на лугах всегда неподалёку от одиночных деревьев, служащих присадой для прилетающих вороновых и хищников. Наблюдения и отстрел проводились из плотного шалаша, покрытого старым сеном, с окнами для стрельбы. Наблюдатели садились в шалаш тотчас же после выставления филина и покидали его только после окончания охоты. Вылезать из шалаша до окончания отстрела нельзя, так как, увидев человека, вороны перестают присаживаться в пределах выстрела. Во время охоты велась регистрация всех налетавших на филина птиц по следующей форме: 1) время; 2) название птиц; 3) количество; 4) примечание, где записывалось поведение птиц и результаты отстрела.

В процессе описываемых опытных охот на филина налетали следующие птицы (всего 446 птиц, относящихся к 12 видам):

Балобан <i>Falco cherrug</i>	2	Зимняк <i>Buteo lagopus</i>	49
Пустельга <i>Falco tinnunculus</i>	3	Ворон <i>Corvus corax</i>	3
Лунь луговой <i>Circus pygargus</i>	4	Серая ворона <i>Corvus cornix</i>	288
Чёрный коршун <i>Milvus migrans</i>	17	Грач <i>Corvus frugilegus</i>	13
Большой подорлие <i>Aquila clanga</i>	1	Сорока <i>Pica pica</i>	51
Канюк <i>Buteo buteo</i>	7	Дрозд-рябинник <i>Turdus pilaris</i>	8

Отстреливались только серые вороны. Всего было убито 120 ворон, что составляет более 40% всех подлетавших к филину. На 1 ч охоты

* Теплов В.П. 1958. О применении манного филина // Тр. Окского заповедника 2: 179-183.

приходилось в среднем 2 убитых вороны, а если исключить повторные отстрелы на одних и тех же местах, то 4 вороны. Охотиться на одном и том же месте более двух раз в один сезон нецелесообразно – вороны в дальнейшем становятся очень осторожными и не подлетают к филину ближе 200 м. Это иллюстрируется результатами охот в апреле 1955 года в 181-м квартале заповедника, приведёнными в таблице 1.

Таблица 1. Результаты охот с манным филином в апреле 1955 года

Дата охоты	Продолжительность охоты, ч	Число ворон, налетавших на филина	Среднее число ворон, приходившееся на 1 ч охоты
14 апреля	1.5	40	27
16 апреля	2.5	26	10
20 апреля	2.0	2	1
21 апреля	3.5	3	1
30 апреля	6.0	6	1

Интенсивность налёта на филина хищников и сорок довольно резко изменялась по годам. Серые вороны все три года подлетали примерно в одинаковых количествах (табл. 2).

Таблица 2. Количество птиц, налетавших на филина в разные годы

Название птиц	Среднее число птиц, налетавших на филина за 1 ч охоты		
	1954 г.	1955 г.	1956 г.
Дневные хищники	1.2	2.3	0.1
Сорока <i>Pica pica</i>	1.5	0.5	1.0
Серая ворона <i>Corvus cornix</i>	4.5	5.1	4.8

Число птиц, подлетавших к филину, характеризует их численность только на ограниченном участке, где производится охота. Пользоваться этими данными для суждения о численности птиц на достаточно больших площадях нельзя. Этот вывод мы сделали, сопоставив данные, приведённые в таблице 2, с результатами апрельских маршрутных учётов птиц в пойменных угодьях районов, прилегающих к пункту нашей работы (табл. 3).

Таблица 3. Результаты маршрутных учётов птиц

Параметры	1954 г.	1955 г.	1956 г.
Число экскурсий	18	17	23
Число учётных километров	96	156	122
Число хищных птиц, на 100 км учётного маршрута	47	56	26
То же сорок <i>Pica pica</i>	14	26	68
То же серых ворон <i>Corvus cornix</i>	23	120	360

Судя по 5 охотам, проведённым в первой половине мая 1954 и 1955 годов, филина можно успешно применять для отстрела серых ворон и в это время. В среднем за 1 ч охоты в мае к филину подлетало 0.9 хищников, 1.6 сорок и 9.9 ворон. При выборе места для охоты с филином нужно избегать участков, находящихся в непосредственной близости от гнёзд хищников или ворон. Хозяева гнёзд (в наших опытах коршун *Milvus migrans* и серая ворона) отгоняют других птиц со своего участка, а сами по отношению к филину держатся весьма осторожно. Для охоты нужно выбирать дни без дождя и сильного ветра. Под дождём филин быстро намокает, начинает дрожать и обычно «залегает» на земле у пня или колоды, к которой он привязан; так же ведёт он себя и при сильном ветре. В дождливую погоду вороны почти совершенно не налетают на филина, а при сильном ветре, хотя и налетают, но отстрел их менее удачен, вследствие трудности попадания в птицу, сидящую на качающейся ветке.

В июне, судя по опыту пяти охот, проведённых С.Г.Приклонским в 1954 году, кроме хищников, вороновых и дроздов, на филина налетают также лесные коньки *Anthus trivialis*, белые *Motacilla alba* и жёлтые *M. flava* трясогузки, садовые овсянки *Emberiza hortulana*, иволги *Oriolus oriolus*, славки, крачки, кукушки *Cuculus canorus* и сизоворонки *Coracias garrulus* – словом, все обитающие поблизости птицы. Особенно активно ведут себя иволги. Хищники и вороновые налетают на филина в июне реже, чем весной (в среднем за 1 ч хищников – 0.7, ворон – 0.2, сорок – 1.0). Остальные птицы налетают также довольно редко, в среднем по 2 птицы за час. В июне мантый филин явно страдает от мошки, которая при трёхчасовой охоте разъедает ему в кровь веки глаз.

Как уже указывалось выше, серые вороны, гнездящиеся поблизости от места, где выставляется мантый филин, налетают на него редко.

Особенно осторожно ведут себя такие вороны в период насиживания и в первые дни после вылупления птенцов. В дальнейшем, когда птенцы подрастут, гнездящиеся вороны начинают нападать на филина более активно. Так, из 14 ворон, добытых с 20 по 30 апреля 1955 года, взрослой была лишь одна (7%), тогда как из 17 птиц, добытых 19 мая того же года, взрослых было уже 7 шт. (41%). Таким образом, апрельский отстрел ворон на манного филина ведёт к уничтожению почти исключительно молодых, ещё не размножающихся птиц, родившихся в прошлом году. В мае можно успешно отстреливать также и взрослых, гнездящихся ворон.

Ведут себя птицы, налетающие на филина, по-разному. Серая ворона, заметив филина, обычно начинает с криком кружиться над ним, временами присаживаясь на соседние деревья. Подобным же образом ведут себя вороны *Corvus corax* и грач *C. frugilegus*. Сороки, обычно на филина не налетают, а стрекочут, сидя на дереве, нередко спускаясь

на землю и подскакивая к филину на 1-1.5 м. Создаётся впечатление, что их прежде всего интересует возможность поживиться остатками добычи филина. Хищники, за исключением коршуна, подлетая к филину как бы пикируют на него, причём нередко налетают почти вплотную. В таких случаях филин перевёртывается на спину, выставив перед собой лапы. Особенно активно нападают на филина соколы. Коршун, по нашим наблюдениям, заметив филина, снижается и начинает над ним кружиться, не делая попыток к нападению. Все хищники, за исключением луней, нередко присаживаются на находящиеся вблизи деревья и просиживают на них значительное время, вновь пикируя на филина в том случае, если он начинает двигаться. Дрозды и другие мелкие птицы, обнаружив филина, прыгают вокруг него по ветвям деревьев и кустарников, издавая, тревожные крики, а иногда и налетают на него подобно хищникам. Описанное поведение птиц открывает некоторые перспективы для их ловли.

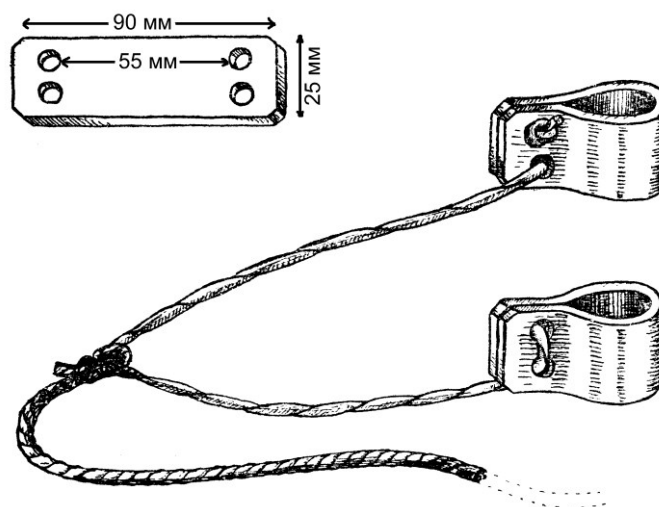
Выставляя манного филина на лугах и полянах в отдалении от деревьев и кустов, мы, казалось бы, могли ловить вороновых и хищников капканами или другими самоловами, установленными на специально врытых шестах. Вполне возможно, что некоторые хищники будут ловиться в сети (типа перевесов), развешенные вокруг филина, а для ловли сорок можно будет использовать поставленные здесь же тайники с приманкой из мяса или рыбы. Для отлова, дроздов и других, более мелких птиц может быть использован птичий клей, намазанный на ветви специально поставленных вокруг филина кустов. Эффективность перечисленных способов лова должна быть установлена путём опытов, проведение которых мы относим к дальнейшим задачам работы нашей Орнитологической станции. К этой же категории работ мы относим опыты с другими видами сов, а также с их чучелами.

В заключение считаем необходимым остановиться на кратком описании приспособлений, употребляемых при охоте на манного филина.

Перед охотой на лапы филина надеваются ногавки-браслеты, сделанные из мягкой сыромятной кожи, прикреплённые к раздвоенному прочному сыромятному ремню длиной 60-70 см. Этот ремень привязывается к тонкой, но прочной верёвке-должнику длиной 1.5-2 м (см. рисунок). Другой конец верёвки привязывается к специальному железному костылю, втыкаемому в землю, или к коряге, выкладываемой в качестве насеста для филина. В месте прикрепления ремня к верёвке привязывается тонкий шнур длиной 20-25 м, другой конец которого проводится в шалаш, где сидит охотник. Дёргая за этот шнур, охотник заставляет филина двигаться, что повышает активность налетающих на него птиц. Переносить филина удобнее всего в специальной корзине с заплечными ремнями. Ногавки надеваются на филина до посадки его в корзину. При посадке филина в корзину свободный конец

верёвки-должника оставляется снаружи и по приходе на место охоты привязывается к костылю или коряге до выпуска филина из корзины.

Выпуская филина после охоты в клетку или в чулан, где он содержится, необходимо снимать с него ногавки.

Ногавка для филина

Обращаться с манным филином нужно осторожно, не забывая, что это очень сильная и хорошо вооружённая острым клювом и мощными когтями птица. Лучше всего проводить с филином различные манипуляции, предварительно закрыв ему голову шапкой или фуражкой. В этом случае он ведёт себя очень спокойно и надеть на него ногавки или снять их можно довольно легко.

Способы содержания филина в неволе общеизвестны, и поэтому останавливаться на них здесь мы не считаем нужным.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 913: 2339-2340

Савка *Oxyura leucoserphala* в дельте Тентека в 2002 году

Н.Н.Березовиков

Второе издание. Первая публикация в 2002*

На Алаколь-Сасыккольской системе озёр продолжается процесс восстановления популяции савки *Oxyura leucoserphala*. В восточной части дельты Тентека (южная часть озера Сасыкколь) 29 и 30 марта 2002

* Березовиков Н.Н. 2002. Савка *Oxyura leucoserphala* // Каз. орнитол. бюл. 2002: 59.

учтено соответственно 7 и 25 савок, 8 апреля – 8, а 23 апреля на озере Жалыколь (46°25' с.ш., 81°04' в.д.) – 3 особи. Однако в мае-августе при регулярном посещении дельтовых озёр Майкуга, Пахомовские куги, Миялы, Жалыколь, Опытное, Малый и Большой Каратентек, Долгая, Пеликанья и Бакланья курьи, савки отсутствовали и определённо здесь не гнездились. Не встречены они на этих водоёмах во время осеннего пролёта в сентябре-октябре.

В западной части дельты Тентека на озере Байбала первую самку савки встретили 14 апреля. На соседнем озере Карамойын (46°28' с.ш., 80°53' в.д.) в этом году гнезилось 2 пары савок. Инспекторами Алакольского заповедника С.А.Толганбаевым и Н.В.Лавниковым на одном из плёсов среди тростниковых массивов этого водоёма 12 мая встречена 1 самка, а 10 июня – брачная пара. На другом плёсе 7 июня обнаружена вторая территориальная пара. После 20 июня на этих озёрках держались одиночные самцы, а самки уже явно сидели на гнёздах. Первый выводок с 3 маленькими пуховичками отмечен здесь 4 июля. При объезде этих плёсов 2 августа на протоке, выходящей на Сасыкколь, обнаружена самка с 3 утятами величиной в половину взрослой птицы. В дальнейшем 18 августа на озере Карамойын наблюдалась 1 самка, 21 августа – 1 самец и 2 самки. Последний раз группу из 4 савок здесь видели 29 сентября. Во время регулярных объездов озера на байдарке с 1 октября по 15 ноября савки не встречены.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 913: 2340-2342

Особенности послегнездовых перемещений молодых белобровиков *Turdus iliacus* в заповеднике «Кивач»

М.В.Яковлева, Л.С.Захарова

*Второе издание. Первая публикация в 1986**

Работа проводилась в биотопах, оптимальных для белобровика *Turdus iliacus*, на участках с высокой численностью этого вида в гнездовой и послегнездовой периоды. С 1974 года велись наблюдения за индивидуально мечеными выводками, в 1983-1985 годах организован регулярный отлов птиц паутиными сетями в местах послегнездовой

* Яковлева М.В., Захарова Л.С. 1986. Особенности послегнездовых перемещений молодых белобровиков в заповеднике «Кивач» // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 2: 363-364.

концентрации (с конца июля по сентябрь). Было окольцовано 302 гнездовых птенца, подавляющее большинство из них – не далее 2 км от места послегнездовых отловов. Всего поймано 25 птенцов, окольцованных в гнёздах (6 из них ловились по 2-3 раза), и 169 новых птиц (47 из них ловились повторно).

После вылета птенцов выводки белобровиков постепенно уходят из окрестностей гнезда, где они родились. 23 выводка, обнаруженные незадолго до распадаения, находились на расстоянии от 50 до 600 м, в среднем 300 м от гнезда.

Характер послегнездовых перемещений во многом определяется ходом постювенальной линьки, начинающейся в возрасте около 45 дней, а у птенцов из поздних гнёзд – ещё во время нахождения молодых птиц в выводках, в возрасте 20-25 дней. В начале линьки подвижность птиц снижается и, судя по высокому проценту повторных отловов (см. таблицу), широта перемещений ограничивается. Продолжительность задержки в районе отлова у птиц, пойманных в начале линьки, максимальна – до 42 дней.

Стадии линьки и подвижность молодых белобровиков *Turdus iliacus*

Стадии линьки	Поймано птиц	Из них повторно отловлено	Продолжительность пребывания задержавшихся птиц, сут	
			Средняя	Max
Началась линька птерилий:				
1. спинной и брюшной	32	34%	22.4	41
2. кроющих хвоста	27	54%	19.4	42
3. голенной	52	29%	8.5	16
4. Аптерии заросли	62	13%	7.4	11
5. Дорастание отдельных перьев	43	5%	6.0	9
6. Линька закончена	19	5%	6.0	6

На третьей стадии линьки подвижность птиц возрастает, на участке отлова появляется много новых птиц, продолжительность их задержки сокращается (см. таблицу). Усиление подвижности во второй половине линьки обнаруживается и при отдельном анализе данных, полученных в начале (июль-август) и конце (сентябрь) периода отлова. Уменьшается доля молодых птиц, окольцованных в гнёздах (до окончания выпадения пера – 16%, а позднее – лишь 5%).

Однако часть птиц, родившихся вблизи места отлова или осевших здесь на постювенальную линьку, продолжает встречаться до полного завершения смены пера. Так, 5 птенцов из гнёзд, пойманных в конце августа и сентябре, почти закончили линьку (5 стадия), а одна птица была полностью перелинявшей. Возможно, что в исследуемом районе, отличающемся хорошими кормовыми условиями для дроздов, задерживается до конца линьки и большее количество местных особей, но

из-за возрастания широты перемещений вероятность их повторного отлова в одной точке снижается. Наиболее поздний срок поимки молодой птицы местного происхождения – 23 сентября.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 913: 2342-2343

Сезонные миграции лебедей на побережье Балтийского моря

А.К.Пятрайтис

Второе издание. Первая публикация в 1986*

Обобщены данные визуальных наблюдений над пролётом лебедей (шипун *Cygnus olor*, кликун *C. cygnus* и тундряной *C. bewickii*) в периоды весенней и осенней миграций в 1973-1985 годах на берегу Балтийского моря в районе города Паланги (Литва).

Лебедь-шипун появляется в ранние вёсны уже в феврале (19 февраля 1974), но чаще – в первой декаде марта. Интенсивность пролёта возрастает во второй и третьей декадах марта (в среднем 11.3 и 16%), ещё более увеличиваясь в апреле (49.6%) и заканчивается обычно к концу второй декады мая (4.3%). Больше всего птиц отмечено во 2-й и 3-й часы (28.3% и 30.5%) после восхода солнца, причём с 7 до 12 ч пролетает 88.5% всех птиц (86% случаев). Летят поодиночке (8.3%), парами (22.1%) и стаями от 3 до 17 птиц при средней величине стаи 5.6 особи. Молодые птицы составляют 2.7% всех шипунов. На север следует 58.3% всех мигрантов. Для шипуна характерен обратный пролёт в южном направлении (31.7% особей, 35.4% случаев). Летят над морем и сушей, чаще на высоте до 10 м (55.2% особей, 54.7% случаев); на высотах от 30 до 200 м пролетает 20.8% всех птиц. За сезон отмечается 10-136 лебедей-шипун.

Лебедь-кликун в ранние вёсны появляется в конце февраля или в начале марта, а в поздние – в конце марта. Пролёт максимален в третьей декаде марта (39.1%) и первой декаде апреля (28.4%), а заканчивается к середине второй или третьей декады апреля. В утренние часы отмечено 71.2% всех особей, а остальная часть – с 17 по 22 ч (23.7%). Летят поодиночке (0.8%), парами (2.2%) и стаями по 3-50 птиц при средней величине стаи 12.2 особи. Молодые особи составляют 3.1%. Большинство кликунов летит на север (75.4%), северо-восток (9.4%)

* Пятрайтис А.К. 1986. Сезонные миграции лебедей на побережье Балтийского моря // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 2: 182-183.

над сушей и на северо-запад — над морем; реже бывает обратный пролёт на юг (6.4%). На высотах до 30 м пролетает 64.8% всех птиц, отдельные стаи поднимаются до 200-300 м. За сезон пролетает 30-380 лебедей-кликунов.

Тундряной лебедь очень редок. Так, 7 мая 1980 на север пролетела стая из 8 птиц.

Осенью первые пары шипунов появляются в первой или второй декадах сентября, но обычно — в третьей декаде сентября (10.1% особей). Основной пролёт происходит в первой и второй декадах октября (30.5 и 31.9%). Отдельные особи или стайки отмечаются и позже. Осенний пролёт лебедя-шипунa гораздо слабее весеннего.

Лебедь-кликун на осеннем пролёте заметно многочисленнее шипуна. Появляется он в третьей декаде сентября, но в основном пролетает во второй и третьей декадах октября. Отдельные стаи встречаются до середины ноября. Характерно более равномерное распределение пролетающих стай в течение суток. Парами пролетает только 1.8% особей, стаями от 3 до 10 особей — 24.9%, от 11 до 20 особей — 23.4%, а иногда насчитывается до 120 особей в стае. Средняя величина стаи — 14.6 особи. Большинство птиц пролетает на юг (76.4%), юго-запад (12.9%), а также через сушу на юго-восток (5.2%). Осенью лебеди-кликунy летят относительно выше, чем весной. Так, на высотах от 50 до 100 м отмечено 62.4% особей.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 913: 2343

Залёты фламинго *Phoenicopterus roseus* в Устюртский заповедник

Г.Ю.Дякин

*Второе издание. Первая публикация в 1991**

В Устюртском заповеднике на затопленном участке Кендерлисора 16 апреля 1987 вблизи родника Унэре встречена группа из 5 фламинго *Phoenicopterus roseus*, а 23 апреля здесь же наблюдали трёх птиц.

* Дякин Г.Ю. 1991. Краткие сообщения о фламинго [в Мангышлакской области]
// *Редкие птицы и звери Казахстана*. Алма-Ата: 80.